

Макс Штирнер

Единственный и его достояние

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 32
ББК 66
Ш91

Ш91 **Штирнер М.**
Единственный и его достояние / Макс Штирнер – М.: Книга по Требованию, 2023. –
278 с.

ISBN 978-5-521-38627-7

ISBN 978-5-521-38627-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ЧЕЛОВѢКЪ

«Человѣкъ» для чело-
вѣка «Верховное Суще-
ство»—говорить Фейербахъ.

Человѣкъ только те-
перь найденъ — говоритъ
Бруно Бауэръ.

Итакъ, присмотримся внима-
тельно къ этому высшему
существу и къ этой новой на-
ходкѣ.

Съ момента появленія на свѣтъ, каждый человѣкъ старается въ томъ пестромъ хаосѣ, въ которомъ онъ несетъ и сталкивается съ другими элементами міра, найти самого себя.

Съ другой стороны, все, что приходитъ съ ребенкомъ въ соприкосновеніе, даетъ въ свою очередь отпоръ его посягательствамъ и борется за свое собственное существованіе.

Такимъ образомъ все сущее полагаетъ наивысшую цѣнность въ себѣ самомъ, и въ этомъ стремленіи оно постоянно сталкивается съ остальнымъ міромъ; неизбѣжнымъ слѣдствіемъ этого является борьба за самоутвержденіе.

Побѣда или пораженіе: между двумя этими возможностями колеблется исходъ этой борьбы. Побѣдитель становится господиномъ, побѣжденный рабомъ; одинъ—проявляетъ верховенство и пользуется правами верховной власти, другой—покорно исполняетъ «долгъ вѣрноподданнаго».

Но врагами они остаются и впредь и только ждутъ случая, когда противникъ проявитъ слабость; дѣти разсчитываютъ на слабости родителей, родители на слабость дѣтей (напр. на ихъ страхъ): или палка торжествуетъ надъ человѣкомъ или человѣкъ надъ палкой.

Въ дѣтскомъ возрастѣ процессъ освобожденія выражается въ томъ, что мы стараемся до всего допытаться, узнать «что внутри», что прячется «за вещами»; мы испытываемъ всѣ слабости окружающаго насъ міра (дѣти, какъ извѣстно, отличаются въ этомъ отношеніи особенно вѣрнымъ чутьемъ); мы любимъ все разбивать, шаримъ по укромнымъ уголкамъ, все таинственное и сокровенное привлекаетъ наше вниманіе; мы пробуемъ свои силы на всемъ. И разъ намъ удалось дознаться чего нибудь, мы сразу чувствуемъ подъ ногами твердую почву; такъ, когда намъ становится яснымъ, что розгѣ не сломить нашего упрямства, мы перестаемъ ее бояться, мы ее переросли. За тайнами розги мы находимъ нѣчто болѣе сильное, чѣмъ розга: наше упрямство, нашъ непокорный духъ.

Мало по малу мы сбрасываемъ покрывало со всего таинственнаго, инушавшаго намъ суевѣрный ужасъ, и открываемъ, что всему этому — и страшной власти розги и суровой минѣ отца и т. д. — мы можемъ противопоставить нашу «атараксію», нашу «стойческую невозмутимость», т. е. нашъ безстрашный отпоръ, наше превосходство, нашу непобѣдимость. Мы «собираемся съ духомъ», и не отступаемъ болѣе боязливо передъ вещами, которыя до тѣхъ поръ вы-

«шли намъ страхъ и почтеніе. За всѣми этими жупелами мы находимъ наше мужество, наше превосходство; противъ грубаго приказа начальства или родителей у насъ есть въ запасѣ дерзкая воля или хитрый умъ. И чѣмъ больше мы сознаемъ нашу личность, тѣмъ незначительнѣе кажется намъ все, что до сихъ поръ представлялось необходимыми. Но что такое нашъ разумъ, наши отвага, наше упрямство?—Ничто иное какъ духъ.»

Въ продолженіи долгаго времени мы избавлены отъ одной борьбы, которая потомъ доставляетъ намъ столько хлопотъ,—отъ борьбы съ разумомъ. Лучшая пора дѣтства проходитъ, не заставляя насъ вступать въ драку съ разумомъ. Намъ до него нѣтъ дѣла, мы съ нимъ не «путаемся», мы не желаемъ «образумиться». «Убѣжденіями» насъ не убѣдишь, разумные доводы, принципы для насъ пустой звукъ; зато намъ трудно противостоять нахамъ и наказаніямъ.

Тягостная борьба съ разумомъ наступаетъ позже, и это начало новаго періода жизни: въ дѣтствѣ мы рѣзвимся безъ долгихъ размышленій.

Духъ — вотъ первое самообрѣтеніе, первая попытка «разбожествленіе божественнаго», т. е. всего таинственнаго, всякихъ привидѣній, высшихъ силъ. Ничто болѣе не внушаетъ уваженія нашему бодрому чувству молодости и нашему самосознанію: міръ потерялъ для насъ свое значеніе, такъ какъ мы стали выше него, мы—стали духомъ.

Только теперь мы видимъ, что до сихъ поръ мы не смотрѣли на міръ духовными очами, а безсмысленно глазѣли на него.

На стихійныхъ силахъ пробуемъ мы впервые нашу энергію. На родителей мы смотримъ сначала тоже какъ на одну изъ этихъ стихійныхъ силъ; потомъ оказывается, что и отца и мать слѣдуетъ покинуть, власти стихійныхъ силъ надъ собой не признавать: мы ихъ преодолѣли. Для «разумнаго», т. е. «духовнаго» человѣка семья перестаетъ быть стихійной силой: мы отрекаемся отъ родителей, братьевъ и сестеръ и т. д. Правда, все это «исчресается» вновь какъ духовная, разумная сила, но оно уже совершенно не то, чѣмъ было раньше.

Молодой человѣкъ освобождается не только отъ родителей, но и отъ людей вообще: они перестаютъ быть для него препятствіемъ, онъ съ ними не считается, ибо, гласитъ новая истина: «должно повиноваться больше Богу, нежели человѣкамъ».

Съ этой повышеннѣйшей точки зрѣнія все «земное» отодвигается въ презрѣныя низы: ибо это точка зрѣнія небесная.

Съ этимъ мѣняется все наше отношеніе къ міру: юноша начинаетъ на все смотрѣть духовными очами, стремится все одухотворить, въ то время какъ ребенокъ, который еще не сознавалъ себя духомъ, росъ въ неодухотворенномъ эмпиризмѣ, въ тупомъ зубреніи. Юноша старается овладѣть не «вещами» (напр., набить голову хронологическими данными), а той идеей, которая заключена въ «вещахъ» (напр., проникнуть въ духъ исторіи); ребенокъ же хотя и можетъ понять связь вещей, но не ихъ идею, духъ, поэтому онъ нанизываетъ одно за другимъ все, что можно зазубрить, не примѣняя апріорнаго, теоретическаго метода, не пытаясь отыскивать идеи.

Если въ дѣтствѣ намъ нужно было преодолѣть сопротивленіе міровыхъ законовъ, то въ юности при каждомъ нашемъ начинаніи мы наталкиваемся на голосъ духа, разума, собственной совѣсти. Это неразумно, не похри-

стиански, непатріотично» и т. д., раздаются окрики нашей совѣсти и — удерживаютъ насъ отъ того, что мы собираемся сдѣлать. Мы не боимся ни мести Евменидъ, ни гнѣва Посейдона, ни всевидящаго Бога, ни родительской розги, мы боимся — нашей совѣсти. Мы «предаемся своимъ мечтамъ» и слѣдуемъ указаніямъ своей мысли совершенно такимъ же образомъ, какъ раньше слушались родительскихъ и человѣческихъ совѣтовъ. Въ нашихъ поступкахъ мы руководствуемся нашими мыслями (идеями, представленіями, вѣрой) такъ, какъ въ дѣтствѣ приказаніями родителей.

Правда, мы мыслили еще будучи дѣтьми, но наши мысли тогда не были еще безплотными отвлеченными, абсолютными идеями, т. е. они не были еще — только мыслью; не были самодовлѣющимъ «Небомъ», міромъ чистой мысли, логическаго мышленія. Напротивъ, это было конкретное мышленіе о вещахъ: мы представляли себѣ вещь такой или иной. Мы правда думали, что видимый нами міръ сотворенъ «Богомъ»; но мы не раздумывали («исслѣдовали») о «первоосновахъ самого Божества»; у насъ правда являлась мысль: въ этой вещи истинно то-то и то-то, но мы не мыслили объ истинномъ, о самой истинѣ, и не связывали поединю понятій — богъ и истина; мы не говорили: «Богъ есть Истина»; «Глубочайшихъ основъ Божества, которое есть Истина» мы не касались. На такихъ чисто-логическихъ т. е. теологическихъ вопросахъ, какъ «Что есть истина», Пилать не останавливается, что, понятно, ему не мѣшаетъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ допытываться, что въ данномъ фактѣ истинно и что ложно, т. е. истинна ли какая-нибудь вещь.

Каждая мысль, не порвавшая связи съ вещью, не представляетъ собою только мысль, абсолютную мысль. Открытіе или служеніе чистой мысли — вотъ идеаль юности, и всѣ свѣтлые образы міра мыслей: истина, свобода, чело- } вѣчество, чело- } вѣкъ и т. д., озаряють и воодушевляють юную душу.

Разъ мы признали, что духъ есть суть вещей, то становится уже не все- } равно, богаты мы или нищи духомъ, и поэтому мы стараемся стать богаче ду- } хомъ: духъ стремится заполнить все, чтобы основать свое царство, царство, } что «не отъ міра сего», міра нами побѣжденнаго. И онъ стремится стать со- } вершенствомъ, ибо несмотря на то, что Я духъ, Я вѣдь не совершенный } духъ, и долженъ его еще отыскать.

Такимъ образомъ, только Я успѣлъ обрѣсти Себя въ видѣ духа, Я тот- } часъ опять теряю Себя, преклоняюсь, въ сознаніи Своего ничтожества, передъ } потустороннимъ идеаломъ совершеннаго духа, которымъ Я не обладаю.

Правда, все дѣло въ духѣ, но является вопросъ, всякій ли духъ — духъ } истинный, настоящій? Истинный, настоящій духъ есть идеаль духа, «Святой } Духъ». Это не Мой или Твой духъ, а небесный идеаль, «Богъ»; «Богъ есть } Духъ». И этотъ «Отецъ, иже съ небесе, дастъ Духа Святаго прослѣдимъ } Него». (Ев. Лука 11, 13).

Взрослый чело- } вѣкъ отличается отъ юноши тѣмъ, что онъ беретъ міръ } такимъ, каковъ онъ есть, вмѣсто того, чтобы вездѣ видѣть скверное и ста- } раться исправить его, т. е. перекраивать по своему идеалу. Онъ приходитъ къ } твердому убѣжденію, что къ міру слѣдуетъ относиться съ точки зрѣнія нашего } интереса, а не нашихъ идеаловъ.

Пока мы сознаемъ себя только духомъ и все свое значеніе видимъ въ } томъ, чтобы быть духомъ (юношѣ, напр., ничего не стоитъ пожертвовать своею

жизнью, своимъ «физическимъ» существомъ изъ-за пустяка, изъ-за глупѣйшаго оскорбленія чести), до тѣхъ поръ мы полны мыслями, «идеями», которыя мы надѣемся со временемъ, найдя подходящее поле дѣятельности, осуществить; пока же, значитъ, у насъ только идеалы, неосуществленные идеи или мысли.

И только тогда, когда человѣкъ полюбитъ себя, какъ живую тѣлесную дѣйствительность, и будетъ въ ней находить удовольствіе — а это приходится только съ годами, въ зрѣломъ возрастѣ—тогда только онъ проникнется личнымъ, эгоистическимъ интересомъ, т. е. не только интересомъ нашего духа, а полного удовлетворенія всѣхъ потребностей безъ исключенія, удовлетворенія всей своей цѣлокупности: «свокорыстнымъ интересомъ». Сравните взрослого человѣка съ юношей; вѣдь онъ покажется вамъ болѣе черствымъ, эгоистичнымъ, менѣе благороднымъ; что-жъ, онъ отъ этого хуже? Вы скажете — нѣтъ, зрѣлый человѣкъ сталъ только опредѣленнѣй, «опредѣлялся», или, какъ вы это называете, сталъ «практичнѣе». Суть же дѣла въ томъ, что онъ болѣе дѣлаетъ себя средоточіемъ, чѣмъ юноша, который мечтаетъ о богѣ, родинѣ и тому подобномъ.

Такимъ образомъ во второй разъ мы находимъ самихъ себя въ зрѣломъ возрастѣ. Первая находка — это духъ, но тотчасъ же мы теряемъ себя въ понятіи всеобщаго духа, совершеннаго, святаго духа, въ понятіи человечества, человѣка, коротко говоря, въ идеалѣ; взрослый же человѣкъ обрѣтаетъ себя какъ духа — во плоти.

Дѣти не знаютъ духовныхъ интересовъ; ихъ интересы не проникнуты идеей, мыслью; у юноши, напротивъ, преобладаютъ исключительно духовные интересы; зрѣлый же человѣкъ приходитъ къ жизненнымъ, личнымъ, эгоистическимъ интересамъ.

Если у ребенка нѣтъ подъ рукой предмета, которымъ бы онъ могъ заниматься, онъ скучаетъ; ибо найти предметъ занятія въ самомъ себѣ онъ не можетъ. Юноша же, напротивъ, не обращаетъ болѣе вниманія на вещи, такъ какъ вещи породили въ немъ мысли, онъ и занятъ своими мыслями, мечтами, онъ занятъ духовно.

Все, что не имѣетъ отношенія къ духу, юноша обозначаетъ презрительно именемъ—«пустая внѣшность». Если онъ несмотря на это придерживается даже незначительнѣйшихъ «внѣшностей» (напр. «буршикозныхъ» и т. п. обычаевъ), то это происходитъ потому, и только тогда, когда онъ находитъ въ нихъ духовное содержаніе, т. е. тогда, когда они имѣютъ для него символическое значеніе.

Первоначально за вещами Я нахожу Себя, какъ ихъ духовную сущность, какъ духъ; впоследствии и за мыслями Я также нахожу Себя, какъ ихъ создателя, ихъ владѣльца. Въ періодъ преобладанія «духа», мысли не желаютъ Мнѣ повиноваться, несмотря на то, что они рождаются въ Моей головѣ; какъ галлюцинаціи воспаленнаго мозга, они не даютъ Мнѣ покоя и являются для Меня ужасной таинственной силой. Мысли пріобрѣтаютъ какъ бы плоть и кровь, становятся настоящими привидѣніями, какъ «Богъ», «Царь», «Папа», «Отечество» и т. п. Если Мнѣ удастся разрушить ихъ реальность, то Я ихъ подчиняю Своей реальности и заявляю: Я одинъ реаленъ. Итакъ, Я смотрю на міръ, какъ на «Мое», какъ на Мою собственность: Я все отношу къ Моему «Я».

✓ Сознавъ Себя «духомъ», Я отвергъ весь міръ; сознавъ Себя самовластной

единицей, Я отвергаю все «духовное»; всѣ «идеи» въ ихъ пустой, призрачный міръ. Какъ никакія земныя силы не имѣютъ власти надъ духомъ, такъ «идеи» потеряли свою власть надо Мною.

Ребенокъ былъ реалистомъ, онъ былъ вполне во власти «вещей», пока ему постепенно не удалось раскрыть ихъ тайну; юноша былъ идеалистомъ, онъ былъ воодушевленъ идеями, мыслями, пока онъ не развился въ мужа, въ эгоиста, распоряжающагося съ вещами и идеями, какъ ему заблагоразсудится, и ставящаго свои личныя интересы выше всего остального. Ну, а старикъ? Когда Я буду старикомъ, тогда найдетъ время поговорить объ этомъ предметѣ.

Какъ человѣкъ развивался, къ чему онъ стремился, чего онъ достигъ или не достигъ, какія дѣла онъ себѣ ставилъ, какіе планы и желанія теперь вла-
дѣютъ его сердцемъ, какія перемѣны произошли въ его взглядахъ, какіе удары
претерпѣли его принципы, однимъ словомъ, какъ онъ сдѣлался тѣмъ, чѣмъ
вчера или нѣсколько лѣтъ тому назадъ не былъ: все это съ большей или мень-
шей легкостью онъ можетъ воспроизвести въ своей памяти и, перемѣны, про-
исшедшія въ немъ, ощутить съ особенной живостью и наглядностью тогда,
когда передъ нимъ развертывается исторія чужой жизни.

Всмотримся поэтому въ путь, пройденный нашими предками.

1. ДРЕВНИЕ.

Такъ какъ обозначеніе нашихъ предковъ до христіанскаго періода име-
немъ «древнихъ», т. е. старыхъ, освящено обычаемъ, то мы не будемъ имъ
ставить на видъ, что, собственно говоря, по отношенію къ намъ, умудреннымъ
опытомъ, они должны были бы называться ребятами, и будемъ продолжать го-
ворить о нихъ, какъ о нашихъ милыхъ старикахъ. Но какъ это случилось, что
они устарѣли, и кто это ихъ вытѣснилъ своей мнимой новизной?

На это не трудно отвѣтить. Вѣдь мы хорошо знаемъ революціоннаго но-
ватора, непочтительнаго наслѣдника, не желавшаго признать даже святости суб-
боты своихъ отцовъ, и вмѣсто этого освятившаго свое воскресеніе; прервавшаго
теченіе времени и положившаго начало новому лѣтонисчисленію: мы знаемъ,
что это — Христосъ. Но развѣ онъ самъ всегда останется юнымъ? Развѣ онъ
въ наше время все еще молодъ, или его также сдадутъ въ архивъ, какъ онъ
поступилъ съ древними?

Можно съ большою вѣроятностью предположить, что родители этого моло-
дого человѣка, были тѣ самые старики, которыхъ онъ выгналъ за дверь. При-
подымаемъ завѣсу, скрывающую тайну этого рожденія. /

✓ «Для древнихъ міръ былъ истиной», говоритъ Фейербахъ; онъ забываетъ
при этомъ прибавить: истинной, ложности, призрачности которой они старались
открыть, и наконецъ, открыли. Это добавленіе очень важно. То что нужно
собственно понимать подъ словами Фейербаха, станетъ особенно понятнымъ,
когда мы рядомъ съ его словами поставимъ христіанскій тезисъ: «міръ сче-

тенъ и преходящъ». Христiанина никакъ нельзя убѣдить въ ложности божественнаго писанiя, онъ вѣритъ въ вѣчную и непоколебимую его истинность, которая блестящимъ и неопровержимымъ образомъ проявляется каждый разъ, какъ мы подвергаемъ его изслѣдованiю. Такимъ образомъ древнiе жили въ убѣжденiи, что мiръ и «мiрскiя» отношенiя (напр., узъ кровнаго родства) есть иѣчто истинное, и что передъ ними должно покорно склониться ихъ «я». Какъ разъ все, чему древнiе приписывали главное значенiе, териеть всякую цѣну въ глазахъ христiанъ, и то, что было для первыхъ истиной, послѣднiе заклеили именемъ пустой лжи: такъ напр., исчезаетъ высокое значенiе родины — христiане должны знать, что они «страннiи и пришельцы сущi на земли» (послани къ евреямъ 11, 13); высокое значенiе культа погребенiя мертвыхъ (ему мы обязаны возникновенiемъ такого произведенiя искусства какъ Антигона (Софокла) больше не признается: «Остави мертвыя погребсти своя мертвецы» (Ев. отъ Луки 9, 60); ненарушимая святость семейныхъ узъ изображается ложью, отъ которой пужно какъ можно скорѣе отрѣшиться (Ев. отъ Марка 10, 29); и такъ по всемъ.

Итакъ мы видимъ, что ихъ взгляды на истину были совершенно противоположны: одни поклонялись природѣ, другiе духу; одни земнымъ вещамъ и отношенiямъ, другiе небеснымъ (небесная отчизна, «горнiи Иерусалимъ» и т. п.); но остается еще не выясненнымъ, какъ изъ древняго мiра родился новый, являющiйся его полнымъ отрицанiемъ. Но дѣло въ томъ, что древнiе сами подкапывались подъ свою правду.

Обратимся прямо къ самымъ блестящимъ годамъ греческой исторiи, къ вѣку Перикла. Ученiе софистовъ становилось все влiятельнѣе, и вещи, на которыя съ давнихъ временъ смотрѣли съ глубочайшей серьезностью, стали предметомъ забавы.

Долго, слишкомъ долго отцы были поработены и подавлены существующимъ порядкомъ вещей, котораго они не рѣшались коснуться, и дѣти должны были наконецъ горькимъ опытомъ научиться чувствовать себя. Съ дерзкой отвагой софисты обращаются съ призывомъ: «Не поддавайся смущенiю!» и распространяютъ просвѣтительное ученiе, гласящее, что ко всему мы должны подходить съ нашимъ разумомъ, нашей насмѣшкой, нашимъ остроумiемъ, и что съ ловкимъ и испытаннымъ разумомъ, мы будемъ обезпечены въ жизни, добудемъ счастье и прiятное существованiе. Такимъ образомъ, софисты лучшимъ оружiемъ въ борьбѣ съ окружающимъ признаютъ нашъ духъ. Поэтому они и придаютъ такое большое значенiе диалектической ловкости, краснорѣчiю, искусству спорить и т. п. Они объявляютъ, что иѣтъ ничего, противъ чего духъ оказался бы непригоднымъ оружiемъ; отъ признанiя же святости духа они еще очень далеки, такъ какъ для нихъ онъ пока только средство, какъ для дѣтей въ такихъ случаяхъ средствомъ служатъ хитрость и упрямство; ихъ «духъ» — это неподкупный разсудокъ.

Въ наше время этому дали бы кличку односторонняго воспитанiя ума, присокупивъ добрый совѣтъ: образуйте не только вѣсть умъ, но также и ваше сердце! Это сдѣлалъ Сократъ. Ибо пока сердце не свободно отъ своихъ природныхъ инстинктовъ, пока оно остается вполнѣ во власти «вещей», оно, руководимое слѣпымъ вождѣлвнiемъ, наполняется самымъ случайнымъ содержанiемъ; иначе говоря, пока оно является сосудомъ противорѣчивѣйшихъ желанiй, всегда

может случиться, что свободный умъ станетъ служить «злѣму» сердцу и будетъ готовъ оправдать всякое желаніе этого лукаваго сердца. Поэтому, учить Сократъ, еще не достаточно примѣнять умъ во всѣхъ случаяхъ: все зависитъ отъ того, для чего мы его примѣняемъ. Въ наше время мы бы сказали на его мѣстѣ: мы обязаны служить «добрѣму дѣлу». Но служить добру есть ничто иное, какъ—быть нравственнымъ. Поэтому мы можемъ сказать, что Сократъ есть основатель ученія о нравственности,—этики.

Въ самомъ дѣлѣ, принципъ софистики приводитъ насъ къ тому, что совершенно несамостоятельный и слѣпой рабъ своихъ прихотей все же могъ бы быть ловкимъ софистомъ и съ большимъ остроуміемъ толковать все въ пользу своего грубаго сердца. Развѣ, въ самомъ дѣлѣ, можетъ найтись какая нибудь вещь, для которой нельзя было бы подыскать «подходящаго основанія», и которую нельзя было бы усильно отстаивать?

Поэтому Сократъ учитъ: вы должны быть «чисты сердцемъ», если хотите, чтобы отнеслись съ уваженіемъ къ вашему уму. Съ этого момента начинается второй періодъ духовнаго освобожденія грековъ, періодъ стремленія къ «чистотѣ сердца». Первый періодъ былъ законченъ софистами, которые провозгласили неограниченное верховенство ума. Сердце же оставалось еще расположеннымъ къ міру, рабомъ міра, всегда подверженнымъ «мірскимъ» желаніямъ. Это дикое сердце должно было теперь подвергнуться воспитанію: періодъ воспитанія сердца. Но какимъ образомъ это сдѣлать? То, что было достижимо для ума (который самъ вѣдь есть одна изъ сторонъ духа), т. е. способность свободно обращаться со всякимъ содержаніемъ и даже вовсе не обращать на него вниманія, все это предстоитъ и сердцу: все мірское теряетъ свое значеніе, такъ что въ концѣ концовъ человѣкъ отказывается отъ семьи, общества, родителей и т. п. и все для сердца, т. е. для блаженства, блаженства сердца.

Повседневный опытъ подтверждаетъ, что вещи, отъ которыхъ разумъ уже давно отказался, не теряютъ своего значенія для сердца въ продолженіи многихъ лѣтъ. Разумъ софистовъ могъ уже настолько справиться съ господствовавшими силами старины, что оставалось лишь прогнать ихъ изъ сердца, въ которомъ они еще невозбранно хозяйничали, для того, чтобы окончательно освободить отъ нихъ человѣка.

— Эта война, начатая Сократомъ, кончится лишь въ день смерти стараго міра.

Сократъ кладетъ начало изслѣдованію сердца, содержаніе котораго подвергается всестороннему разсмотрѣнію. Въ своихъ напряженныхъ стараніяхъ, очистить сердце, древніе, под конецъ, выкинули изъ сердца все содержаніе и лишили его способности биться за что либо; въ этомъ была заслуга скептиковъ. Эпохѣ скептиковъ удалось достигнуть такой чистоты сердца, какъ эпохѣ софистовъ чистоты ума.

Софистическая образованность способствовала тому, чтобы разумъ ни передъ чѣмъ не останавливался, скептическая—чтобы сердце ни чѣмъ не волновалось.

Пока человѣкъ, схваченный міровымъ движеніемъ, связанъ по рукамъ и ногамъ своими отношеніями къ міру,—а это продолжается до самаго конца древняго міра, такъ какъ его сердце все еще борется за независимость съ «мірскимъ началомъ»,—до тѣхъ поръ онъ не можетъ еще быть «духомъ»; ибо духъ безплотенъ и не знаетъ никакихъ отношеній къ міру и къ тѣлесному: для него не суще-